

Лебедев А. П. Религиозная жизнь и нравы греко-восточных христиан:
Из истории Греко-восточной Церкви от падения Константинополя в
1453 г. до настоящего времени // Богословский вестник 1900. Т. 3.
№ 12. С. 612–634 (2-я пагин.). (Продолжение.)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ И НРАВЫ ГРЕКО-ВОСТОЧНЫХ ХРИСТИАНЪ.

(*Окончание*) ¹⁾.

II.

(Съѣдѣнія касательно нравовъ высшаго духовенства.—Приходское духовенство и нѣсколько замѣчаній о нравахъ его.—Народъ—его отношенія къ высшему и приходскому духовенству,—поучительныя извѣстія въ этомъ случаѣ;—краткая характеристика народныхъ нравовъ; семейная жизнь,—вдовье положеніе женщины, — привитіе добрыхъ навыковъ дѣтямъ,—обычай побратимства.—Благотворительность и страннопріимство).

Нашъ русскій востоковѣдѣ епископъ Порфирий (Успенскій) пишеть: „На Востокѣ много архіереевъ. Въ Палестинѣ, гдѣ сдавали есть 20,000 православныхъ христіанъ, святительствуютъ, кромѣ патріарха, восемь архиепископовъ. Въ Сиріи на 70,000 православнаго народонаселенія считается десять — одиннадцать іерарховъ. Константинопольскому патріарху подвѣдомы сто пятьдесят эпархій ²⁾. Итакъ восточная церковь есть какъ бы многоочитый Херувимъ“. „Восточные архіереи, обозрѣвая свои эпархіи, въ селахъ посѣщають каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостію ихъ къ народу отчасти объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ“ ³⁾.

Дѣйствительно, не только епархиальные архіереи, но и сами патріархи принимаютъ на себя на Востокѣ трудъ про-

1) См. Богосл. Вѣсти., августъ, стр. 484—506.

2) Нужно помнить, что авторъ писалъ эти строки въ 1846 г. Теперь же число архіереевъ на Востокѣ еще болѣе возросло.

3) Книга бытія моего. Т. III, 90—91.

должительного и неспешного обозрѣнія и обѣзда подчиненныхъ имъ пасомыхъ. Такъ, о патріархѣ Антіохійскомъ Евфиміи II (1635—1648 г.) разсказывается, что „пася народъ своей со страхомъ Божіимъ, онъ по прошествіи трехъ лѣтъ, посѣтилъ всѣ епархіи престола своего и возвратился во свояси, и опять по прошествіи трехъ лѣтъ посѣтилъ ихъ и возвратился“ ¹⁾. Подобное же известно и о другомъ патріархѣ Макаріи (1648 — 1672 г.). Разъ его путешествіе по Антіохійскому патріархату продолжалось почти годъ, отъ 16 июля 1659 г. до 1 июня 1660 года. Замѣтки объ этомъ путешесвіи сдѣланы были въ свое время очевидцемъ, сыномъ Макарія, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ. „Патріархъ выѣхалъ изъ Дамаска съ цѣллю собрать положенные денежные взносы и обозрѣть положеніе своей паствы. Онъ отправился въ ближайшіе къ Дамаску города. Въ этотъ день (день выѣзда) онъ переночевалъ въ деревнѣ Димасъ... Прибылъ въ Сидонъ, гдѣ оставался 12 дней“. Затѣмъ перечисляются различные города и селенія, какіе обозрѣвалъ патріархъ. Повѣстователь при этомъ отмѣчаетъ, гдѣ именно въ пути совершиаго богослуженіе патріархъ. „Мы прибыли—пишетъ онъ—въ монастырь пророка Иллі, гдѣ совершали службу и отправились въ Бисканту подъ горой Ливаномъ и служили въ ея церкви. Затѣмъ прїѣхали въ Кафр-Акабъ и служили въ его новой церкви, послѣ тѣго, какъ мы ее освятили и привели въ порядокъ ея алтарь. Это было въ воскресенье въ началѣ октября. Мы возвратились въ Мхедзе и тутъ также служили два раза“ ²⁾. Нѣть сомнѣнія такого рода обзоры патріархата, сопровождавшіеся совершеніемъ архиерейской службы въ разныхъ захолустныхъ мѣстахъ, благоустроеніемъ храмовъ и весьма естественно—собесѣданіями архипастыря съ пасомыми, собесѣданіями, служившими къ утвержденію вѣры и благочестія — должны были приносить большую пользу мѣстной церкви.

Жизнь даже высшихъ іерарховъ, т. е. патріарховъ, протекала среди простоты и при самой незатѣнливой обста-

¹⁾ Еписк. Порфирий. Востокъ христіанскій (Сирія), стр. 95. Киевъ. 1874.

²⁾ Павла Алеппскаго. Путешествіе Антіохійскаго патр. Макарія въ Россію. Переводъ. Вып. V. стр. 196—197.

новкѣ. Одинъ историкъ, описывающій состояніе Греческой церкви начала XVIII-го вѣка пишетъ о патріархѣ Константинопольскомъ: „лучше всего то, что патріархи эти носятъ скромную одежду, которая у нихъ одинакова съ прочимъ духовенствомъ,—это черная шляпа и черное же платье. Въ ихъ помѣщениіи все бѣдно (*schlecht*), къ посѣщающимъ ихъ они относятся любезно и смиренно, позволяютъ имъ садиться. Ихъ скромность хвалить даже Іезуиты. Столъ ихъ очень умѣренъ, къ столу обыкновенно приглашается одинъ или нѣсколько архіереевъ. Когда патріархъ и его гости встаютъ изъ-за стола, за него садятся монахи (свита патріарха) и пользуются остатками. Если патріархъ єдетъ въ городъ, то садится на лошадь въ обыкновенной своей одеждѣ, въ правой рукѣ онъ держитъ узду, а лѣвой посыпаетъ благословеніе. Позади его слѣдуютъ нѣсколько діаконовъ, изъ которыхъ одинъ несетъ его жезлъ, а впереди єдутъ двое кавасовъ. Для прогулокъ его служить небольшой садъ, находящійся позади патріаршихъ покоевъ. Часто онъ отправляется въ селенія или водой на небольшие острова, лежащіе вблизи Константинооля, гдѣ есть сады и виноградники, принадлежащи патріархіи или его добрымъ друзьямъ. Если онъ скучъ или отличается строго-точнымъ хозяйствованіемъ, то онъ можетъ коечто сберечь изъ своихъ доходовъ и оставить наслѣдство своимъ родственникамъ”¹⁾. Разумѣется, патріархи остальныхъ восточныхъ патріархатовъ проводили жизнь приблизительно по тому же образцу, беря примѣръ съ Константинопольского патріарха. Извѣстный патріархъ Іерусалимскій Досифей (1669—1707 г.) говорилъ: „расходы наши суть равны съ единицмъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на всѣ наши одежды не изойдетъ (въ годъ) и пятисотъ асперовъ“ (мелкая монета), и прибавляеть: „платья дорогія духовнымъ людямъ непристойно и иосили такія платья иконоборцы“. По его же словамъ, „патріархи наипаче пѣши ходятъ“. Тотъ же патріархъ Досифей говоривалъ: „у него книги (какихъ онъ имѣть болѣе тысячи) вмѣсто вотчинъ, которыя имѣютъ въ Москвѣ

¹⁾ Elssner. Neueste Beschreibung derer Griechischen Christen in der Türckey. S. 71—73. 87. Berlin, 1737.

скомъ государствѣ патріархъ, митрополиты и монастыри”¹⁾. И нужно сказать, что Иерусалимскіе патріархи въ самомъ дѣлѣ не чужды были библіофильства; основанная ими библіотека при свято-гробскомъ подворьѣ въ Константинополѣ до сихъ поръ продолжаетъ оказывать очень цѣнныя услуги богословской наукѣ.

Патріаршія помѣщенія вообще на Востокѣ незатѣйливы. На нашего русскаго путешественника Арсенія Суханова резиденція Константинопольскаго патріарха производила впечатлѣніе чего-то очень скромнаго. „Дворы патріарши, пишетъ онъ, съ малыми вороты, якобы калитка”²⁾. Патріаршее помѣщеніе въ Константинополѣ и впослѣдствіи сохраняло видъ очень непрятязательный. Александрійскій патріархъ долгое время не имѣлъ сколько-нибудь приличнаго обиталища, и только въ срединѣ XIX-го вѣка на средства русскаго императора устроенъ патріаршій домъ вполнѣ соотвѣтствующій своему назначенію³⁾. Впрочемъ, патріархи восточные не отказывались отъ устроенія себѣ даже красиваго помѣщенія, когда открывалась къ тому возможность. Такъ известный Павель Алеинскій разсказываетъ, что часть денегъ, привезенныхъ патріархомъ Антіохійскимъ Макарiemъ изъ Московскаго государства, употреблена была на сооруженіе новой патріархіи въ Дамаскѣ. Павель говоритъ: „мы построили новый дворецъ (патріаршій), приличную намъ. Съ передней стороны дворца я облицовалъ его чернымъ и бѣлымъ камнемъ, съ основанія до вершины, и устроилъ при немъ фонтанъ и водоемъ изъ пестрой мозаики и цветного мрамора, выбрасывающей воду, которая, разсыпаясь въ своеемъ паденіи, чаруетъ своимъ журчаніемъ“. Особенные заботы приложены были къ украшенію зала дворца. „Затѣмъ мы выслали, говорить Павель, материалами разнаго рода и разныхъ цветовъ, и я посыпалъ въ Алецию за желтой и зеленою черепицей. Красота зала съ его водоемомъ и водометомъ сдѣлалась предметомъ разговоровъ — прибав-

¹⁾ Проф. Н. Ф. Каптерева. Сношенія Иерус. патріарха Досиѳея съ русск. правительствомъ. Стр. 181. 183. 58. М. 1891.

²⁾ Проскинитарій, стр. 17.

³⁾ Еписк. Порфирий. Александрийская патріархія (Сборникъ материаловъ, исследованій и записокъ), 378. Спб., 1898.

ляетъ онъ, въ городѣ Дамаскѣ, и многіе изъ именитыхъ людей нерѣдко приходили посмотреть на него“. Все устроено было сообразно лучшимъ образцамъ. Вообще, по словамъ Павла Алеппскаго, имѣлось какбы въ виду опровергнуть мнѣніе, что „мастера новыхъ временъ неспособныхъ производить работы, подобныя древнему искусству“. Какъ ни хорошо была устроена патріархія во дни патріарха Антіохійскаго Макарія, представляя изъ себя „восхитительный видъ“, тѣмъ не менѣе Павелъ Алеппскій сознается, что при большемъ обилии денегъ, онъ могъ бы устроить многое и еще лучше. „Конечно—замѣчаетъ онъ,—еслибы въ нашемъ обладаніи была цѣлая сокровищница золота, она подверглась бы въ нашихъ рукахъ полному израсходованію, и это сооруженіе стояло бы памятникомъ для будущихъ поколѣній, ибо хотя деньги, имѣвшіяся у насъ, составились изъ даяній христіанъ, но употребленіе ихъ на эти хорошія дѣла несомнѣнно есть весьма похвальное дѣяніе“ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ простотой и неприхотливостію въ жизни Греческіе іерархи отличались значительной толерантностію въ религіозныхъ отношеніяхъ. Что въ другихъ странахъ, наприм., въ Россіи, могло бы возбуждать недоумѣнія, сомнѣнія и даже соблазнъ, то, со спокойною совѣстю, свободно допускалось въ Греціи. Объ этого рода толерантности могутъ свидѣтельствовать и тѣ отвѣты, которые даетъ нашему путешественнику Арсенію Суханову Александровскій патріархъ Іоанникий на его недоумѣніи вопросы. Арсеній, наприм., спрашивалъ этого послѣдняго: „аще въ пустыни просфиры не будетъ, можно ли изрѣзать простой хлѣбъ въ части и надъ тѣмъ служити“? И въ отвѣтѣ получилъ: „можно, вырѣзавъ изъ хлѣба часть и назнаменовавъ крестъ и надпи-
савъ IC XC и надъ тѣмъ служить“. Арсеній предлагалъ патріарху другой вопросъ: „достоитъ ли погребать мертваго въ воскресеніе или Господній праздникъ“, и получилъ такой отвѣтъ: „во вся дни достоитъ погребати, и въ воскресный день и въ Господскій праздникъ, только предъ обѣднею не достоитъ погребать, если служить ему, кто погребается“. Арсеній далѣе предлагаетъ тому же патріарху вопросъ, который чесмало смущалъ совѣсть древнихъ русскихъ людей:

¹⁾ Путешествіе патріарха Антіохійскаго Макарія. Вып. V. 150—152.

„егда, гдѣ купели не случится въ церкви или въ дому, можно ли крестить обливаніемъ или и покропленіемъ, если будетъ иноземецъ боленъ или и младенецъ, а поднять къ погружению нельзя“? Но патріархъ не видитъ и не находитъ никакихъ затрудненій тамъ, гдѣ усматриваетъ ихъ мысль, стѣсненная обрядовымъ направлениемъ; Іоанникій заявляетъ: „можно и въ дому крестить и безъ купели, аще въ церковь не можно вынести“, и прибавляется: „аще и оздравѣть, то крещеніе есть право, и снова крестить не подобаетъ“¹). Греческіе іерархи и духовенство не находятъ ничего противного своей совѣсти въ томъ, что они принимаютъ самое непосредственное участіе въ погребеніи неправославнаго архіерея, наприм. копта. Преосвящ. Порфирий былъ очевидцемъ слѣдующаго случая въ Каирѣ. Въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка здѣсь умеръ коптскій патріархъ Кириллъ. Въ его похороненіи приняло участіе и православное духовенство города. Наступить часъ выноса тѣла въ церковь, повѣствуетъ указанный авторъ, Синаїскій архієпископъ въ мантіи, омофорѣ и митрѣ, все греческое и коптское духовенство, въ ризахъ двинулось туда подъ осѣненіемъ хоругвей съ возженными свѣчами.. Въ старомъ храмѣ (православномъ?) усопшій, въ сидячемъ положеніи на креслѣ, поставленъ былъ на срединѣ противъ царскихъ вратъ; и тутъ его отпѣло греческое духовенство по своему обряду и провозгласило ему вѣчную память. Копты же молчали, потому что раньше отпѣли его дома²).

Если въ религіозныхъ отношеніяхъ, какъ видимъ, высшее духовенство на Востокѣ отличается толерантностю и мягкотю правилъ, то въ административномъ отношеніи тоже духовенство иногда бываетъ властительно и сурово. Извѣстно, что турецкое правительство облекло въ особенности первенствующихъ греческихъ іерарховъ большую властію гражданского характера въ отношеній къ ихъ подчиненнымъ. Эта власть даетъ имъ возможность карать религіозныя преступленія, неповиновеніе, смутьянство и проч. Есть властъ: естественно, что она проявляется и въ практикѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ примѣненія къ дѣлу указанной

¹) Прокопійтарий, стр. 43. 44. 47.

²) Епік. Порфирия. Александрийская патріархія, стр. 397.

власти. Въ 1882 году, за смертю патріарха Іеронея опросталась Іерусалимская патріаршая кафедра. На мѣсто скончавшагося іерарха избранъ быль въ преемники ему популярный въ средѣ святогробскаго духовенства архимандритъ Фотій. Но у русской дипломатіи давно созрѣла мысль возвести на Іерусалимское патріаршество лицо, наиболѣе расположеннное къ Россіи и хорошо известное у насъ. Выборъ нашей дипломатіи остановился на єаворскомъ архіепископѣ Никодимѣ, долго проживавшемъ въ качествѣ управляющаго подворьемъ св. гроба въ Москвѣ. Никодимъ, какъ ставленникъ русской (хиротонисанъ въ архіереи въ Петербургѣ), подавалъ большія надежды на улучшеніе іерусалимскихъ дѣлъ во всѣхъ сферахъ, а потому русская дипломатія обратила свои взоры на него и постаралась, затормозивъ канонические выборы, добиться предъ султаномъ утвержденія на патріаршество своего излюбленнаго кандидата. Новый патріархъ, какъ навязанный святогробскому духовенству извѣнь, быль встрѣченъ въ Іерусалимѣ съ недовѣремъ и даже прямою, плохо скрываемою враждою. Недовольные клирики стали группироваться около архимандрита Фотія, который не только не примирился съ совершившимся фактомъ назначенія Никодима въ патріархи, но и титуловалъ себя „нареченнымъ патріархомъ Іерусалимскимъ“, протестовать противъ его незаконнаго вступленія на патріаршую кафедру. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей и чтобы уничтожить гнѣзда всякихъ враждебныхъ начинаній, Никодимъ рѣшился на такую мѣру: явныхъ сторонниковъ архимандрита Фотія изгнать изъ патріархіи, а его самого подъ строгимъ турецкимъ конвоемъ отправилъ въ заточеніе въ Синайскій монастырь, съ наказомъ архіепископу Синайской горы держать его въ суровомъ режимѣ. Фотій пробылъ здѣсь въ ссылкѣ семь лѣтъ¹⁾). Другой примѣръ: въ началѣ XVII вѣка патріархъ Александрійскій воспретилъ синайскому монастырю, именуемому Цжуwanія, совершать богослужебныя дѣйствія для кипрскихъ христіанъ, находя въ этомъ ущербъ для своихъ доходовъ²⁾. Что касается отдѣльныхъ христіанъ, то не только патріархъ, но архіерей того, кѣмъ онъ недовольны, наказы-

¹⁾ Проф. А. А. Дмитріевскаго. Новоизбранный патріархъ Александрійскій Фотій. „Труды Кіев. Дух. Акад“. 1900, маі, стр. 116—118.

²⁾ Проф. Воронова. Синайское дѣло, 28—29. Кіевъ. 1872.

вали ссылкою, заточенiemъ въ монастырь въ качествѣ исправляемаго или въ качествѣ сумасшедшаго и т. д.¹⁾.

Скажемъ о приходскомъ духовенствѣ и его нравахъ; по къ сожалѣнію наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи очень ограничены.

Священники, особенно въ селахъ, часто имѣютъ очень малочисленную паству. Случается, что не болѣе пятидесяти домовъ. Но вотъ что замѣчательно: имѣя такіе маленькие приходы священники умѣютъ жить прилично и не пытаются недостатковъ въ материальномъ отношеніи. Это обстоятельство возбуждаетъ истинное удивленіе у иѣкоторыхъ наблюдателей²⁾. Но дѣло это отчасти объясняется тѣмъ, что священники не избалованы въ своихъ потребностяхъ, а пасомые вообще охотно дѣлятся съ ними своими достатками.

Въ Греко-восточной церкви въ священническомъ санѣ состоять, безъ различія, какъ люди женатые, такъ и неженатые, что конечно вполнѣ сообразно съ канонами. Но не смотря на такое различіе, тѣ и другіе одинаково требовательны въ отношеніи къ материальной помощи со стороны паства. Женатые, конечно, оправдываютъ себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что у нихъ жена и дѣти. Оправданіе—естественное, тѣмъ болѣе, что священники и ихъ семьи въ Турціи не могутъ разечитывать ни на пенсіи, ни на щедроты отъ архіерейскихъ каѳедръ и должны сами, какъ они тамъ знаютъ, устроить свои семейныя дѣла. И нужно отдать имъ справедливость: священники привыкли не возлагать надеждъ на другихъ, а больше всего надѣяться на самихъ себя. На Востокѣ не рѣдкость видѣть, что сыновья священниковъ, воспособляемые отъ своихъ отцевъ, заводятъ торговлю и ведутъ ее не хуже настоящихъ купеческихъ фирмъ³⁾. Быть можетъ, поэтому въ народѣ тамъ (какъ и у насъ) существуютъ грубо-проникническія поговорки на счетъ дѣтей священника, поповичей, въ родѣ поговорки: „сынъ попа—племян-

¹⁾ Еписк. Порфирий. Книга бытія моего. Т. III, 91; Сырку. 22.—Другія подробности о нравахъ высшаго духовенства см. въ нашемъ очеркѣ: *нравственный обликъ Константинопольской патріархіи* (выше, стр. 247—340 или: *Бог. Вѣстн.*, 1895, т. I и III).

²⁾ Арх. Автонина. Изъ Румелии, 205.

³⁾ Тамъ же, 206.

никъ діавола“¹⁾. А лица безбрачныя изъ числа священиковъ, часто пося имѧ игумена (будеть ли онъ священствовать въ монастырѣ, обращая послѣдній въ приходскую церковь, или же живя съ такимъ титуломъ въ приходѣ, а это не рѣдкость) тоже стремятся къ пріобрѣтенію бренного металла: или для того, чтобы на деньги купить архіерейство, или же для того, чтобы, наживъ деньги,бросить съ себя игуменство, жениться, перѣѣхать на жительство въ большой городъ, въ родѣ Аѳинъ, и заняться какой-либо свободной профессіею²⁾.

Есть русская пословица: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Она приложима и къ греческому духовенству, священникамъ. Такъ какъ священники находятся въ Турціи въ податномъ состояніи по отношенію къ епископамъ, т. е. несутъ разнообразныя и нелегкія повинности³⁾, то естественно, что они должны изобрѣтать разные способы удовлетворить и архіерея и обезпечить свое личное положеніе. При подобныхъ обстоятельствахъ очень разборчивымъ въ способахъ добыванія копѣйки быть невозможно. Въ Греціи существовала строго-определенная такса, образно которой взимались деньги за совершение всѣхъ церковныхъ требъ. Особенно выгодную статью доходовъ составляли длинные и строгіе посты. Если пасомый, исповѣдываясь предъ духовникомъ, объявлялъ, что онъ въ томъ или этомъ отношеніи нарушилъ постъ, то духовный отецъ прощалъ ему грѣхъ только подъ условіемъ извѣстной платы за нарушение церковныхъ предписаній. Говорятъ, что священники имѣти списки, въ которыхъ точно обозначалось: за какую сумму денегъ могъ быть отпущенъ тотъ или другой грѣхъ. Вообще о материальномъ состояніи священниковъ иногда приходится читать такое замѣченіе: доходы священниковъ прямо пропорциональны порочности пасомыхъ⁴⁾. Такъ по крайней мѣрѣ было въ старыя времена.

¹⁾ Леонтьева. III, 215.

²⁾ Сырку, стр. 60.

³⁾ См. обѣ этомъ выше: „Матеріальное положеніе Кон-польской патриархіи“, на что уже было указано.

⁴⁾ Pichler. Protestantismus in der Orientalischen Kirche im 17 Jahrhund. S. 29. Munch., 1862.—Pichler. Geschichte der kirchlichen Trennung. B. I., 427. Munch., 1864.

Едва-ли нужно прибавлять, что священники изъ-за прибыли не гнались никакимъ житейскимъ занятіемъ, обѣщавшимъ имъ выгоду и доходъ.

Одинъ старинный нѣмецкій историкъ, Гейнекціусъ говоритъ: „не существуетъ такого народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, какъ Греки“. Эта любовь и уваженіе къ церкви выражается у Грековъ ечевиднѣе всего въ ихъ почтеніи къ духовенству. Историкъ Рико говоритъ, что „уваженіе Грековъ къ духовенству можно называть фундаментомъ и опорой ихъ церкви“. А известный намъ греческій писатель Элладій прибавляетъ, что „они охотнѣе сами ломрутъ отъ голода, чѣмъ позволять претерпѣвать недостатки своей церкви и духовенству“¹⁾. Такое отношеніе греко-восточныхъ христіанъ къ своему духовенству объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что духовнаго сословія, какъ понимаемъ его мы русскіе, тамъ нѣтъ, а всѣ степени церковной іерархіи и церковно-служительской званія доступны на Востокѣ каждому безъ различія сословій и общественного положенія. Знаніе грамоты, умѣніе читать, писать и пѣть по нотной богослужебной книгѣ, окончаніе курса въ народной или церковно-приходской школѣ, дипломъ обѣ окончаній курса въ гімназіи—вотъ что открываетъ путь для молодыхъ людей ко вступленію въ клиръ, позволяетъ имъ становиться діаконами, священниками, а современемъ благодаря личнымъ дарованіямъ и заслугамъ достигать высшихъ іерархическихъ степеней. Однимъ словомъ: тамъ все приходское духовенство „избирательное“, а потому духовнаго юношества тамъ не было, нѣтъ и (вѣроятно) не будетъ²⁾.

Народъ съ особеннымъ почтеніемъ относится къ высшему духовенству,—архіереямъ. Нашъ паломникъ Арсеній Сухановъ съ истиннымъ удовольствіемъ разказывалъ о слѣдующемъ явленіи, которое ему привелось наблюдать. Если богослуженіе совершалъ самъ патріархъ, то, по его окончаніи, онъ первый выходилъ изъ церкви; въ противномъ же случаѣ первымъ выходилъ отсюда служившій іерей или игу-

¹⁾ Ricaut. *Histoire de l'eglise Grecque*, p. 13. Helladii. *Status ecclesiae Graecae*, p. 64.

²⁾ Сырку. Опис. бумагъ еписк. Порфирія, 73.

менъ. „А прежъ патріарха—замѣчаетъ Арсеній, — ни изъ церкви, ни отъ церкви отнюдь никто не пойдетъ... прежъ служащаго іеря отнюдь никто не пойдетъ изъ церкви ни изъ иночовъ, ни мірскихъ людей: и тако творять вездѣ у Грековъ“. Всегдѣ за патріархомъ изъ церкви выходили священники „и прочіи вси по ряду“, а затѣмъ и міряне, всѣ покланялись малымъ поклономъ патріарху и становились по сторонамъ его. Когда же всѣ выходили, патріархъ отправлялся въ свои келліи и взойдя на лѣстницу, обращался лицомъ къ народу и „оставлять рукою на весь міръ“; только послѣ уже этого, посѣтители церкви и службы, расходились по своимъ домамъ¹⁾.

Въ частныхъ сношеніяхъ съ архіереями народъ отличается и отличается крайней къ нимъ внимательностю и предупредительностью. Вотъ прежде всего свидѣтельство изъ XVII-го вѣка. Когда извѣстный патріархъ Макарій антіохійскій, возвращаясь изъ Россіи, достигъ побережья Чёрнаго моря въ Малой Азії; то встрѣченъ былъ народомъ: здѣсь съ замѣчательнымъ вниманіемъ и любовью, не смотря на то, что это было за предѣлами его патріархата. Напримѣръ, когда Макарій и его многочисленная свита остановилась въ городѣ Эносѣ, то путникамъ этимъ „ни разу не пришлось покупать чего-либо на рынке, ибо женщины и мужчины на перебой приносили имъ обѣденные припасы—хлѣбъ, разнаго рода кушанья, одно за другимъ, водку и вино и другие напитки, и все это въ такомъ количествѣ и столь похвальныхъ качествѣ, что превосходило всякое описание. Всѣ они, днемъ ли, ночью ли—были готовы къ услугамъ Макарія и его спутниковъ“. Тоже повторилось, когда этотъ же патріархъ потомъ пріѣхалъ въ одинъ изъ значительнейшихъ городовъ, принадлежащихъ къ его патріархату—въ Алеппо. „Собрались всѣ съ большою торжественностю, чтобы выразить честь патріарху, котораго они наперерывъ одинъ прѣль другимъ угощали обѣдомъ и ужиномъ, условившись между собою, что когда онъ пообѣдаетъ въ одномъ мѣстѣ, ужинать будетъ въ другомъ, и такъ горячо добивались чести принять его, что иногда случалось,—двоє или троє въ одно

1) Проскинитарій. стр. 216—217. Сл. Бѣлокурова. Арсеній Сухановъ. ч. I, стр. 313—314.

время готовили угощениe. Не менеe многочисленны были ихъ подарки и милостыни“¹⁾. А воть и свидѣтельство изъ второй половины XIX-го вѣка. Посѣщаая архіерея, „архонты (т. е. лица сановныя) почтительно цѣлаютъ руку архіерея, низко ему кланяются, подаютъ ему туфли, безпрестанно говорятъ: отче святый. А если сановный посѣтитель застаетъ владыку предающимся кейфу на софѣ, то поправляетъ ему одѣяло на ногахъ, съ поспѣшнотю принимаетъ изъ рукъ его чубукъ, не давая времени прислужнику принять послѣдній, когда архіерей сдѣлаетъ лишь одно движеніе“²⁾....

Но безъ сомнѣнія, важиѣ всего — покорность и послушаніе, какое обнаруживаетъ христіанскій народъ на Востокѣ, распоряженіямъ и требованіямъ, исходящимъ отъ власти „архіерейской“. Преосв. Порфирий пишеть. „Восточноe духовенство сумѣло пріучить православныхъ мірянъ къ покорности ему. Вотъ тому доказательства. Го тѣснѣмъ обстоятельствамъ времени, цареградскіе патріархи повелѣли читать тихомолкомъ въ алтарѣ моленія объ оглашенныхъ, дабы сократить литургію; и никто не прекословилъ имъ. А вселенскій же патріархъ Германъ, въ 1843 году, предписалъ всѣмъ своимъ архіереямъ напротивъ громко сказывать актеніи объ оглашенныхъ; и всѣ единодушно отвѣчали: да будетъ. Въ томъ же году исправлены были греческія служебныя Мицен такъ, что цѣлые реченія прежнія замѣнены въ нихъ новыми, будто-бы лучшими; и отъ того никакого раскола, даже никакого волненія не было въ клире и народѣ. Вся тяжесть взносовъ (на нужды церковно-общественныхъ и архіерейскія) падаетъ на народъ, но онъ безропотно несетъ ее (ради блага душъ своихъ), исполняя долгъ свой. Подите вы, владыка, постучитесь въ двери русаковъ, составляющихъ вашу паству и попросите себѣ годового подаянія или подарка. Получите? Дается вамъ? Ни. Почему же? Всегда затѣмъ нашъ писатель присовокупляетъ: „во всѣхъ патріархатахъ священники избираются изъ среды народа, а потому народъ слушаетъ тѣхъ, которыхъ самъ поставилъ своими вождями, а вожди эти, пользуясь народнымъ довѣ-

¹⁾ Павла алеипскаго. Путешествіе патр. Макарія. Вып. 5, стр. 124. 147, М. 1900.

²⁾ Леонтьева. П. 275. III, 57.

ріемъ къ себѣ, имѣють ту смѣлость, какой не имѣемъ мы“¹⁾.

Разумѣется, мы не можемъ ожидать того, что бы и приходское духовенство пользовалось бы такимъ же почтеніемъ и встрѣчало бы такое же послушаніе со стороны народа, какъ сами архіереи. Нѣкоторые греческие архіереи, повидимому, не совсѣмъ довольны отношеніями паствы къ приходскому духовенству, находя, что первая недостаточно послушна голосу своихъ непосредственныхъ пастырей. Такъ отъ иного архіерея, послѣ того, какъ имъ совершень объездъ его эпархіи, можно услышать такія рѣчи. „Всякое путешествіе поучительно чѣмъ нибудь. Видѣль и я нѣчто полезное, видѣль людей (т. е. священниковъ), которые пасли овцѣ и другихъ людей (опять тоже священниковъ), которые за свиньями смотрѣли. Думаль я, какая благодать пасти кроткихъ овечекъ! Всѣ онѣ вмѣстѣ, всѣ согласны, куда бѣжитъ одна, бѣгутъ и другія. Паstryю добромъ радость. Совсѣмъ иное дѣло свиньи. Пасти свиней это мука; съ утра выгнati ихъ вмѣстѣ, а къ вечеру уже и собрать ихъ нельзя; онѣ всѣ

¹⁾ Книга бытія моего. III, 89—90.—Кстати скажемъ, что народъ на православномъ Востокѣ питаетъ большоеуваженіе и довѣріе къ своимъ монастырамъ. Вотъ что, наприм., пишетъ проф. А. А. Дмитріевскій объ отношеніи жителей Патмоса къ ихъ Іоанно — Богословскому монастырю. „Отношенія патмосцевъ къ ихъ монастырю проникнуты самыми искренними и неподдельными чувствами благоговѣнія и почтенія, а его наельники — моиахи окружены высокими знаками вниманія, глубокаго уваженія и преданности. Съ этимъ уваженіемъ къ монастырю патміотъ рождается и воспитывается, имъ переполнена его жизнь и о немъ онъ не забываетъ въ часъ смерти. Именемъ св. Іоанна Богослова, какъ величайшею святынею, патміотъ клянется, прославляетъ его въ народныхъ пѣнняхъ и ради монастыря его для патміота вѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился. Довѣріе и уваженіе къ монастырю у патміотовъ, можно сказать, просто поразительныя для нашего времени. Патмосские купцы путемъ удачныхъ операций скопившіе большиѳ капиталы, не отдаютъ ихъ подъ проценты въ европейскіе банки, а стараются передать ихъ на храненіе въ свой родной монастырь“. Такимъ образомъ монастырь сдѣлался для нихъ такъ сказать духовнымъ банкомъ. Сначала монастырь давалъ небольшиѳ проценты своимъ клиентамъ, но когда послѣдовало чрезмѣрное скопленіе капиталовъ, онъ отказался платить проценты, — и тѣмъ не менѣе приливъ денежнаго не сократился. „Іоанно — Богословскій монастырь на о. Патмосѣ“ (Труд. Кіев. Дух. Академіи, 1892, т. III, стр. 350—352).

разбѣжались по рощѣ. Тогда что долженъ дѣлать бѣдный пастирь? Онъ расщепляетъ небольшую палочку, ловить одну свинью и ущемляетъ ей ухо. Услышавъ только визгъ этой свиньи и вся остальная скотина сбѣгается въ ту сторону¹⁾). Понятно, что хочетъ сказать этими словами архіерей. Онъ хочетъ сказать, что строгое наказаніе какого-либо грѣшника священникомъ возбуждаетъ гвалтъ и неудовольствіе со стороны другихъ грѣховодниковъ. Такъ! Но все же архіерей не отвергаетъ того факта, что иногда ревностный паstryръ можетъ поучить зазнавшагося человѣка. А это очень важно! Возможно ли, напримѣръ, у насъ, схватить за ухо „свинью“? Намъ кажется, что нѣтъ основаній серьезно жаловаться на недостатокъ послушанія тамъ, где возможны такие случаи, какъ тотъ, какой мы сейчасъ раскажемъ и какой отмѣченъ на страницахъ греческой Кормчей книги. „Одинъ умный духовникъ такимъ способомъ врачевалъ безчувственного скотоложника. „Вотъ ты грѣшникъ, — говорилъ онъ ему, — пріобрѣть себѣ новое родство съ телицей (*βάμαλις*) и сдѣлался самъ, подобно ей, неразумнымъ и животнымъ. Итакъ въ теченіе мѣсяца каждый вечеръ заключайся въ ся хтѣвѣ, и тамъ среди припадающихъ къ землѣ, какъ животное, возлагай на свой хребетъ ярмо своего осла и въ такомъ видѣ со слезами проси у Бога отпущенія твоего страшного грѣха“. Поступая такимъ образомъ — заключаетъ разсказъ Кормчая, — этотъ несчастный пришелъ въ чувство и исправился²⁾). Разсматриваемая книга при этомъ хвалитъ строгость и находчивость духовника.

Въ нравахъ народа сохранилось много стѣдовъ старозавѣтной простоты и нѣкоторой грубоватости. Укажемъ хотя нѣкоторые черты народныхъ нравовъ. Семейная жизнь Грековъ въ значительной мѣрѣ напоминаетъ таковую же жизнь нашего простонародья. Мужъ не обнаруживаетъ своей нѣжности къ женѣ, хотя бы и крѣпко любилъ ее: въ обращеніи съ нею, онъ почти всегда принимаетъ суровый видъ. Такой мужъ обыкновенно говоритъ о себѣ: „я деспотъ (владыка) дома, въ семье я хочу быть гордымъ аристократомъ“. Жена отличается покорностью мужу, служить ему, она не сядетъ

¹⁾ Леонтьева. II, 275.

²⁾ *Πρᾶδαλιον*, с. 219 Примѣч. къ 16 прав. Анкир. соб.

въ его присутствіи, пока онъ не скажетъ ей: сядь. Жена не вмѣшивається въ управлениѳ хозяйствомъ и часто совсѣмъ не видитъ того загороднаго сада, какой принадлежитъ ихъ дому. Въ знакъ подчиненія мужу, обыкновенно невѣсты цѣлуютъ руку у своихъ жениховъ (а не наоборотъ). Положеніе женщины въ семье, поэтому, иногда бываетъ очень тяжело. А разводъ для замужней женщины устроить очень трудно, потому что разводъ не въ обычаяхъ. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для женщины добиться развода, это объявить предъ архиереемъ, что если ее не разведутъ съ мужемъ, то она обратится въ турецкую вѣру. Аргументъ этотъ оказывается свое дѣйствіе. Кстати нужно сказать, что къ этому же аргументу иногда прибегаютъ и мужчины, если желаютъ избѣжать какого-либо наказанія, налагаемаго на виновнаго архиерейскимъ или народно-общественнымъ судомъ¹⁾). Но еще тяжелѣ замужняго положенія вдовья доля женщины. Вдова въ греческомъ обществѣ истинно-несчастное существование. Всѣ вдовы обязательно должны носить очень долгое время один лишь черные цвѣта, почти не выходить изъ дома, не посещать даже церквей. Участь молодыхъ вдовъ еще можетъ перемѣниться къ лучшему отъ нового замужества; но вдовы пожилыя, по крайней мѣрѣ въ Эпирѣ, осуждены общественнымъ миѳніемъ до гроба носить одинъ черный цвѣтъ и не покидать жилища своего ни въ какомъ случаѣ: ни для пира дружескаго, ни для свадьбы близкаго, ни для молитвы, ни для простой прогулки, развѣ-развѣ для посѣщенія больнаго и умирающаго. „Что вдова?“ разсуждаютъ иногда гречанки. Вдова развѣ человѣкъ? Тихо пойдетъ по улицѣ, люди скажутъ: она ломается такъ нарочно; скоро пойдетъ, люди скажутъ: она мужа хочетъ, за мужемъ бѣжитъ.—Да, и такъ дѣло противное, и этаѣтъ дѣло худое. Несчастіе! Если встрѣчаются хулители такого безсердечнаго отношенія къ вдовамъ, то защитники обычая замѣчаютъ имъ въ отвѣтъ: „нужно хранить народное, народное—святыня“²⁾.

Дѣти у Грековъ пріучаются не только къ подчиненію родителямъ, но и къ почтительности старшихъ возрастомъ.

¹⁾ Леонтьева. II, 176. II, 54. II, 29. II, 77.

²⁾ Леонтьева. I, 269—270. III, 63.

Дѣти рѣдко ъѣять вмѣстѣ съ родителями, и если когда случится это, то никогда не ъѣять изъ одного блюда съ ними, если они не взрослые. По большей части они знаютъ мать, и что она имъ дастъ, то и ъѣдятъ. Имъ не дозволяется много говорить за столомъ и обыкновенно они молчатъ, если только не имѣютъ сказать чего либо необходимаго. Когда присутствуютъ за обѣдомъ родители или гости, то поднося ко рту первый стаканъ вина (котораго дѣтямъ даютъ немногого), произносятъ молитву: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи И. Христе, Боже нашъ, помилуй насть, аминь“ и прибавляютъ: „благородіе твое да сохранить Господь Богъ на многія и добрыя лѣта, аминь“. Если же за столомъ находится лицо духовное, то говорятъ (вмѣсто: благородіе): „священство твое“, если епископъ—„святыню твою“, если митрополитъ—„всесвященство твое“, а если патріархъ,—„архиерейство твое, владыко“¹⁾. Эти молитвы имѣютъ обычай говорить не только дѣти, но и другіе, сидящіе за столомъ, ибо Греки пьютъ не всѣ разомъ (какъ дѣлаетъ скотъ, по замѣчанію нашего источника), но чаша начинаетъ ходить отъ первого и такъ по порядку доходить до послѣдняго. Дѣти и юноши отпиваются изъ первого стакана не прежде, какъ перецѣловавъ по порядку руки у всѣхъ сидящихъ. Не позволяетъ имъ уходить изъ-за стола, прежде чѣмъ прочитаны будутъ молитвы: Греки недолго остаются за столомъ, если неѣть гостей за обѣдомъ. Тѣ дѣти, которые обѣдаютъ не вмѣстѣ съ родителями, располагаются въ другой комнатѣ, находящейся по близости; однако и они не освобождаются отъ вышеуказанныхъ обязанностей²⁾. Въ пѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ иногда за приспешствомъ провозглашается тостъ.... за православіе! Приблизительно въ такихъ словахъ: „Да здравствуетъ православіе! Пусть оно идетъ впередъ, развивается на ноги бѣль всѣмъ врагамъ своимъ!“ Затѣмъ чарочка идетъ по столику³⁾. Но возвращаемся къ греческимъ дѣтямъ. Если дѣти идутъ или точнѣе бѣгутъ изъ школы домой и на дорогѣ встрѣтятъ почтенного человѣка или таковую же женщину, то цѣлуютъ

¹⁾ Такъ было во всякомъ случаѣ въ прежнія времена.

²⁾ Helladii, p. 24—25.

³⁾ Леонтьева, I, 124.

ихъ руки; это же и дома дѣлаютъ приходя изъ школы и принимая благословеніе отъ родителей. Юноши, занимающіеся играми на улицѣ, если увидятъ проходящаго старца или человѣка извѣстнаго, то привѣтствуютъ его по обычаю древнихъ лакедемонянъ: если сидятъ, встаютъ, а если играютъ, пріостанавливаются, пока тѣ не пройдутъ. (Это дѣлаютъ и всѣ вообще Греки). Если же дѣти увидятъ, что идетъ лицо духовное, то привѣтствуютъ его словами: „прости владыко“, а оно отвѣчаетъ: „благословеніе Бога моего съ вами“, или: „Богъ простить васъ“. (Интересно, что если въ свою очередь лицо духовное заходитъ въ чей нибудь домъ, то оно обмѣняется тѣми же самыми привѣтствіями съ хозяиномъ, но только въ обратномъ порядкѣ). Дѣти Грековъ не чуждаются игръ и съ дѣтьми турецкими, при чемъ въ случаѣ ссоръ и вообще взаимныхъ обидъ, столь обычныхъ между дѣтьми, Турки благоразумно говорятъ: „они дѣти, пусть играютъ“ ¹⁾). Дѣтямъ Грековъ все спускается, лишь бы они не глумились надъ вѣрою своихъ повелителей ²⁾.

Изъ народныхъ обычаевъ заслуживаетъ упоминанія—обычай побратимства. Греки, желающіе сдѣлаться побратимами, призываютъ священника, который и читаетъ надъ ними молитву, послѣ чего они перевязываются кушакомъ вмѣстѣ и клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ и согласіи. И эта клятва не остается безъ послѣдствій. Если одинъ изъ побратимовъ терпѣть обиду и не могъ постоять за себя, то другой изъ побратимовъ считать долгомъ чести раздѣлаться, какъ слѣдуетъ, съ обидчикомъ: дѣло въ этомъ случаѣ принимаетъ характеръ даже кровавой мести ³⁾). Конечно, это грубо, но такъ.

Нравственная жизнь Грековъ стоитъ на обычномъ уровнѣ христіанскихъ народовъ. Изъ недостатковъ ихъ въ этомъ отношеніи можно отмѣтить ихъ жадность къ деньгамъ. О Грекахъ говорятъ, что когда кто изъ нихъ „заспоритъ о

¹⁾ Helladii, p. 23. 26—27.

²⁾ Нужно сказать, что Турки не всегда стѣсняютъ и религіозную свободу своихъ женъ-христіанокъ (къ сожалѣнію, примѣры такихъ смѣшанныхъ браковъ встрѣчаются): иѣкоторые изъ нихъ позволяютъ своимъ женамъ ходить въ церковь, соблюдать посты и проч., и даже принимать къ себѣ въ домъ пожилыхъ священниковъ.—Леонтьева. II, 279.

³⁾ Леонтьева. III, 306. 314.

деньгахъ, то хоть самъ король иди—не обратить вниманія и не будетъ интересоваться имъ; онъ смотрѣть какъ бы свои поліастра выиграть¹⁾, т. е. не потерять¹⁾.

Въ ряду явлений нравственного характера съ особымъ вниманіемъ мы должны указать на благотворительность греко-восточныхъ христіанъ, которою они отличаются начиная отъ іерарховъ и кончая самымъ простымъ православнымъ человѣкомъ. Весьма любопытно то, что пишетъ по этому поводу писатель сторонній для насъ, нѣмецъ Гейнекій. Вотъ его слова. „Обычай, существовавшій въ древней церкви собирать за богослуженіемъ деньги въ пользу неимущихъ, сохраняется и нынѣ въ греческой церкви (писано въ началѣ XVIII в.). Не смотря на скучность, какую Греки претерпѣваютъ, находясь подъ игомъ Турокъ, нужно отдать имъ великую честь за то, что они не забываютъ бѣдныхъ и своею благотворительностію очень пристыжаются западныхъ христіанъ. Мы могли бы привести самыя замѣчательныя свидѣтельства въ доказательство нашихъ словъ, но въ этомъ, говорить авторъ, нѣтъ надобности. Удовольствуемся лишь словами достохвального мужа Томаса Смита. Послѣдний пишетъ: Ихъ (Грековъ) молитва за утреннимъ богослуженіемъ сопровождается благотворительностію на пользу неимущихъ, при чемъ они дѣлаютъ почти болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ имъ дѣлать ихъ скучность: ита благотворительность простирается на тѣхъ, кто вслѣдствіе какого либо несчастія впадъ въ нищету и имѣть письмо, отъ патріарха, приглашающее вѣрующихъ къ пожертвованію. При этомъ случай, Смитъ съ удивленіемъ указываетъ на то, что милостыня христіанъ распространяется даже и на ихъ поработителей—Турокъ. Приводя эти слова Смита, нашъ авторъ замѣчаетъ: легко понять, какъ велико должно быть щедролюбіе Грековъ къ своимъ бѣднякамъ²⁾. Но можетъ быть, ктонибудь подумаетъ, что такъ было прежде, а теперь стало не такъ; но это несправедливая мысль. Греки настоящаго времени не получаютъ ни гроша изъ какого-либо казначейства, и однакожъ въ каждомъ селѣ и городѣ содержать приходскія училища и гимназіи, а въ большихъ городахъ—Константи-

¹⁾ Тамъ же, П. стр. 11.

²⁾ Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Theil III. 280.

иополѣ, Александріи, Смирнѣ—больницы и богадѣльни; содѣржать свое многочисленное духовенство ¹⁾). И всѣ это путемъ общественной благотворительности, при посредствѣ христіанской милостиыни.—На христіанскомъ Востокѣ очень развить тотъ видъ благотворительности, который проявляется въ страннопріимствѣ, столь свойственномъ восточнымъ странамъ. Читайте извѣстныя многотомныя „Странствованія“ нашего знаменитаго паломника Григоровича—Барскаго и вы найдете здѣсь весьма много поучительнаго въ указанномъ отношеніи. Барский путешествовалъ по Востоку съ 1723 по 1747 годъ, безъ копѣйки въ карманѣ, и однако же болѣе 20-ти лѣтъ имѣть и кровъ—и домъ, и одежду, и пищу, и карманныя деньги,—мало того: проходилъ курсъ наукъ въ двухъ лучшихъ греческихъ школахъ того времени — венеціанской и патмосской. Съ какою благодарностю воспоминаетъ онъ обѣ этихъ школахъ. Правда, ему жилось въ этихъ школахъ не легко, но это не мѣшаетъ ему писать о времени, проведенномъ въ нихъ, какъ о лучшемъ времени своей жизни. Приходилось ли кому либо встрѣтить подобнаго же рода воспоминанія, вышедшиа изъ-подъ пера тѣхъ Сербовъ, Болгаръ, арабовъ, эфіоповъ, которые такъ комфорtabельно воспитываются въ нашихъ русскихъ школахъ? Нѣтъ. Да это и неудивительно. Они смотрятъ на Россію, какъ на дойную корову, и болѣе занимаются слѣженіемъ за модою въ платьѣ, чѣмъ воспитаніемъ благородныхъ чувствъ у себя. Но обратимся къ Барскому. Почитаемъ хоть немного его удивительный дневникъ. Вотъ онъ добрался до Яффы. Заплатилъ деньги за перевозку съ корабля на берегъ. Здѣсь его прігласили помѣститься въ метохѣ или „страннопріимницѣ іерусалимской“, въ которой уже находились, ранѣе его прібывшіе, богатые купцы, благородные люди и духовныя особы. Метохъ этотъ былъ построенъ іерусалимскимъ патріархомъ Хрисантомъ, „угожденія ради христіанъ, путешествующихъ тамо“ и стоимъ многихъ трудовъ и денегъ. Зданіе было такъ прекрасно устроено и расположено, что всѣхвалили и благодарили названнаго патріарха. Оно имѣло видъ монастыря, въ которомъ было много келлій и домовъ „къ препочинанію страннныхъ“. Въ каждой келліи помѣщалось по 3—4 человѣка. Бар-

¹⁾ Преосв. Порфирия. Кн. бытія моего. III, 89—90.

скій вступилъ сюда на правахъ нищаго, но имѣть не только прекрасное помѣщеніе, а и нескудный столъ¹⁾). Но вотъ Барскій во св. градѣ. Путниковъ во множествѣ встрѣтили жители Іерусалима. Сейчасъ же монахи всѣхъ путниковъ, мушинъ и женщины, отвели въ главный патріаршій монастырь. За отсутствіемъ патріарха, архіерей — эпітропъ приказалъ дать всѣмъ „гостинніе келіи къ упокоенію — и бисть тако“. Послѣ того, какъ они здѣсь немного соснули, ихъ пригласили за трапезу и накормили, по причинѣ пятничнаго дня, постными блюдами и маслинами, а кромѣ того, монахи угостили изъ своихъ рукъ виномъ всѣхъ, кто желалъ этого напитка. Послѣ трапезы богоомольцамъ показали весь монастырь, „строеніе зѣло лѣпое и расположение премудroe“. На другой день происходилъ умилительный чинъ омовенія ногъ всѣмъ странникамъ, духовнымъ и мірскимъ и женщинамъ, растрогавшій Барекаго до слезъ. Всѣхъ богоомольцевъ пригласили въ какую-то „умывальницу“, здѣсь они чинно разсѣлись, пѣвецъ запѣлъ стихири „умиленнымъ гласомъ“, появилось шестero монаховъ съ большимъ тазомъ, теплой багонной водой, полотенцемъ; началось омываніе ногъ. Оно происходило такъ: по очереди подходили къ каждому паломнику, двое монаховъ подставляли мѣдный тазъ, третій поливалъ воду, четвертый братъ въ руки десную ногу паломника, мыль ее съ мыломъ, и когда еще другой монахъ отирали ее „лентиемъ“, омывавшій „лобизадie“ ногу и цѣлювалъ также голову омытаго, если это монахъ, затѣмъ омывалась шуяя нога, но безъ лобзанія. Все это было продѣлано и съ Барекимъ, хотя онъ сидѣлъ „на посѣднемъ мѣстѣ“. Потомъ еще другой монахъ окропилъ духами правую руку каждого богоомольца, послѣ того какъ они все предварительно вымыли руки чистою водою; богоомольцы прикладывали свою раздущенную руку къ лицу и такимъ образомъ сообщали и ему благоуханіе. Но это еще не все. Всѣмъ подали по чашкѣ кофею, и когда паломникишли его, патріаршій намѣстникъ держалъ къ нимъ рѣчъ, сообразную съ цѣлями богоомольцевъ. Наконецъ пригласили ихъ за трапезу, угостили ихъ хорошимъ обѣдомъ ради субботы „и чествоваху довольно виномъ“. Мы насытились, замѣчаетъ

¹⁾ Томъ I, стр. 277.

Барскій, во славу Божію и благодарили Бога. Это произошло 1-го октября, которое на Востокѣ нигдѣ не считается праздникомъ¹⁾). Но такъ хорошо и внимательно принимали Барскаго не въ одной Палестинѣ, этомъ средоточіи паломничества, а и въ другихъ мѣстахъ Востока. Онъ задумать посѣтить Дамаскъ, резиденцію антіохійскаго патріарха, и привезть въ исполненіе свое намѣреніе; нашъ паломникъ остался доволенъ этимъ посѣщеніемъ. Въ Дамаскѣ ему бросился въ глаза, „многотѣпло созданный“, ломъ патріаршій, въ которомъ, за отсутствіемъ хозяина, проживалъ тогда патріаршій намѣстникъ съ монахами. И какова же была радость Барскаго, когда ему въ этомъ красивомъ помѣщеніи и отвели квартиру. „Пріять и азъ бихъ, яко страненъ и пребихъ во дворѣ патріаршемъ седмицу едину, пищю и питиемъ довольствуемъ и постелю къ спанію имій“, замѣчаетъ Барскій²⁾). Но вотъ онъ попадаетъ на островъ Хіосъ,ничѣмъ неизвѣстный въ церковномъ отношеніи и мало посѣщаемый паломниками, но и здѣсь онъ нашелъ гостепріимство и немало такого, на что онъ и разсчитывать не могъ. На Хіосѣ съ нимъ произошло слѣдующее. Спутникъ Барскаго, тоже Русскій, какой-то отецъ Рувимъ внезапно и тяжко захворалъ. Положеніе Барскаго съ больнымъ спутникомъ было печально. Но оказалось, что христіанская благотворительность предусмотрѣла возможность подобныхъ несчастныхъ случайностей. На Хіосѣ была устроена „греческая страннопріимница“, въ которой имѣль право помѣщаться всякой заболѣвшій путнику православной вѣры, находя здѣсь пропитаніе и врачеваніе, впередъ до полнаго выздоровленія. Приняли въ страннопріимницу и болѣющаго Рувима, но онъ, къ сожалѣнію Барскаго, не поправился, а умеръ. На похороны явилось пятнадцать священниковъ, отпѣваніе совершило „съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ“, останки почившаго погребены были въ склепѣ („подъ спудомъ“) одной прекрасной церкви въ честь св. Виктора. Послѣ покойного остались деньги, съ которыми было такъ поступлено. Половину ихъ смотрители страннопріимницы отдали мѣстнымъ священникамъ на поминъ души почившаго да еще съ добавленіемъ

¹⁾ Т. I, 309, 314.

²⁾ Т. II, 100.

денегъ отъ себя лично, а другую половину „мѣѣ“, говорить Барскій, дадоша, нужди ради подорожной“. Мало того: ему позволили оставаться и кормиться въ вышеуказанной больнице до времени отъѣзда его съ острова, „да не погублю онѣ денги купуючи яству, но да сохраню на шуть“. при чемъ ему обѣщано было выхлопотать даровой проѣздъ на корабль. Но и этимъ дѣло не ограничилось по части благотворительности. Одинъ мѣстный молодой купецъ (Маврокордатосъ) замѣтилъ, что Барскій одѣтъ очень плохо, одѣть его, да еще какъ одѣть „отъ главы до ногу одеждю новою, яко ничтоже на себѣ прежняго не имѣхъ, кромѣ сандаліи“ ¹⁾. Но довольно. Вправѣ ли мы были бы желать и ожидать большаго?—Приведемъ еще одно свидѣтельство. Русскій ишокъ Парѳеній около половины XIX-го вѣка, совершившій паломничество въ турецкой землѣ, посѣтилъ и Болгарию—и вотъ какое впечатлѣніе вынесъ онъ касательно страннолюбія жителей. „Народъ здѣсь столь добрый и страннолюбивый, что во всемъ моемъ путешествіи не случалось еще видѣть таковыхъ; мы отъ самаго Мачина по всему Дунайю до Рущука, какъ у родныхъ въ гостяхъ гостили, въ перебой каждый наась къ себѣ желалъ, и не знали чѣмъ наась угощать. И пастыри ихъ, христолюбивые священники, часто наась отъ своихъ овецъ уводили къ себѣ и угощали наась неизреченно“²⁾. Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ церквяхъ ктиторы позволяли ему обходить присутствующихъ за богослуженiemъ съ блюдомъ, и онъ пабиралъ „милостыню довольноу“ ²⁾.

Въ заключеніе упомянемъ о двухъ слѣдующихъ фактахъ изъ области нравовъ восточныхъ христіанъ. Греческіе разбойники (православные христіане) поймали разъ еврея и обобрали; затѣмъ приказали ему сказать: „вѣрю во единаго Бога Отца“, еврей охотно повиновался; затѣмъ приказали ему сказать еще: „и въ Сына“, но онъ уперся, тогда ему отрубили ухо,—еврей повиновался; но не удовольствовавшись и этимъ, разбойники потребовали, чтобы онъ привалилъ: „и въ Духа Святаго“, истязуемый опять отказался, тогда ему урѣзали другое ухо,—еврей исполнить требовав-

¹⁾ Т. 4, 212—213.

²⁾ Сказание о странствіи... Т. II. 45. 56. М. 1856.

ніе. Когда все это кончилось, греческіе разбойники сказали: „вотъ мы спасли (?) его, но онъ можетъ отречься“, а потому ради вѣчнаго спасенія его души, пристрѣлили его¹⁾. Другой фактъ. Нѣкоторые изъ Грековъ, не только юноши, но и взрослые, отправляясь въ день Пасхи въ церковь, приносятъ за пазухой яйца и сыръ, и лишь только услышать иѣниe: „Христосъ воскресе“, то и другое спѣшатъ отправить въ ротъ себѣ²⁾. Очемъ свидѣтельствуютъ, на что указываютъ эти факты? Они свидѣтельствуютъ и указываютъ, что нравы Греко-восточнаго народа не отличаются той чистотою, какая требуется правилами христіанскими; но осуждать его за это мы не имѣемъ права, когда подобное же встрѣчаемъ въ быту всѣхъ православныхъ народовъ нашего времени.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Леонтьева. II, 97.

²⁾ *Πιδάκιον, σελ.* 171. Примѣч. къ 89 прав. VI-го всел. собора.